

А

В. Г. Короленко

В. П. Буренин. -- Театр

Том первый. Спб. 1904

В. Г. Короленко. Собрание сочинений в десяти томах.

Том восьмой. Литературно-критические статьи и воспоминания. Исторические очерки
М., ГИХЛ, 1955

Подготовка текста и примечания С. В. Короленко

OCR Бычков М. Н.

Нет сомнения, что автор этой книги -- человек с литературным дарованием. Но что такое, собственно, литературное дарование? Это есть способность легко и свободно придавать литературную форму своим мыслям, чувствам и настроениям, независимо еще от их содержания. Случается очень часто, что люди с глубоким содержанием наделены этой способностью лишь в слабой степени, и тогда они мучительно ищут своей формы. И бывает наоборот; нередко собственно литературные способности даны судьбой людям с очень незначительным содержанием. Тогда форма ищет для себя содержания, по большей части, разумеется, чужого.

Господин Буренин чрезвычайно легко "владеет пером". Ему одинаково свободно даются и стихи, и проза, и в своих фельетонах, доставивших ему своеобразную известность, он мешает и то, и другое. Но если бы кто-нибудь задался целью отыскать в этой огромной (количественно) работе какую-нибудь руководящую нить, попытался бы определить,-- за что собственно г. Буренин воюет в литературе в течение трех десятков лет,-- то такой изыскатель оказался бы в чрезвычайном затруднении. В конце концов пришлось бы признать, что г. Буренин ратует всегда за... г. Буренина и самое большее еще -- за газету, в которой работает г. Буренин и которая сама стоит лишь за себя, ставя паруса по воле господствующих ветров... В молодости г. Буренин исполнял свою задачу довольно весело, иной раз не без остроумия пересмеивая своих противников и отыскивая смешные стороны в самых разнообразных направлениях, тем легче, что все они были ему одинаково чужды. С течением времени он перешел к сплошным ругательствам, выделявшимся уже не остроумием, а беззастенчивой грубостью. На расстоянии целых фельетонов он заменял прежний веселый шарж простым кривлянием, коверкая от чьего-нибудь имени русский язык и заставляя злополучных наборщиков набирать "шкажал" вместо "сказал", или "прифшкакивать" вместо "привскакивать". Повидимому, есть еще немало людей, которым это кажется забавным и остроумным. Несомненно, однако, что с литературной точки зрения это была элементарнейшая пошлость, совершенно недостойная уважающей себя печати... Вообще, если бы понадобилось охарактеризовать выдающуюся черту литературной деятельности г. Буренина, то пришлось бы сказать кратко: г. Буренин всю свою жизнь ругался. В молодости ругался порой не без остроумия, в старости -- с какой-то угрюмою злобой, порой переходящей в неистовство...

Впрочем, мы не будем более останавливаться на этом предмете, во-первых, потому, что предмет этот в деталях довольно неопрятный, а во-вторых, еще и потому, что, собственно, разбираемая книга давала бы к этому лишь косвенный повод.

"Театр" г. Буренина представляет в его литературной работе некоторое приятное исключение. Здесь он является в совершенно приличном виде, как будто и ему самому опротивело, наконец, "шкакивать" и "прившкакивать", ругаться и производить литературные дебоши.

Однако, как известно, исключения только подтверждают правило: за содержанием своих приличных произведений г. Буренину так же приходится отправляться в люди, как и за содержанием своей "сатиры". Его сатира -- шарж и пародия. Его "театр" -- переводы и пересказы. Из шести пьес разбираемой книги, только одна принадлежит самому г. Буренину. Это -- "Забава Путятишна". Содержание ее заимствовано из былин, причем г. Буренину принадлежит довольно ловкая сценическая компоновка былинного сюжета, красивые стихи и разные изящные, на французский лад, разговоры былинных персонажей. Все это, разумеется, так же далеко от суровой поэзии былинного эпоса, как виньетка на конфетной коробке Эйнема далека от васнецовских богатырей. Почему-то при чтении этой "Забавы Буренишны" нам представлялись все время не киевский двор, не Ставры, Добрыни и Ильи

А